

ТАРАСИК ПЕТРИЧЕНКА

Кошка

запасная обложка

Тарасик Петриченка

КОШКА.

«Автор»

2008

Петриченка Т.

КОШКА. / Т. Петриченка — «Автор», 2008

Это сказки для взрослых. О кошке и Хармсе. Текст Тарасика Петриченка попал ко мне, в общем, случайно. Автор не хлопотал и не просил о публикации. Но после прочтения сразу же захотелось поделиться этим с другими. Добрый Хармс — таким оксюмороном можно обозначить повествователя этих коротких историй. Усвоив, может быть, не прямо, а из воздуха технику немотивированного абсурда, автор использует ее в прямо противоположных целях. Абсурд обэриутов — способ неприятия мира. Он призван вызывать едва ли не рвотный рефлекс. “А молодая, толстенная мать терла хорошенькую девочку лицом о кирпичную стену. Маленькая собачка, сломав свою тоненькую ножку, валялась на панели. Маленький мальчик ел из плевательницы какую-то гадость. <...> Таким образом начинался хороший летний день”. Недаром реальный Д. И. так не любил детей (что, впрочем, его личное дело). Абсурд автора “Кошки” примиряет с реальностью, сопровождается понимающей улыбкой: все, в общем, выносимо и как-то образуется. Для человекокошки день начинается ожиданием сказки, даже если впереди — подвал метро. Ведь снег все равно придет из Купчина в Озерки, и солнце завтра встанет, “что бы там ни происходило”. Для автора и Лигово — родное. Кто бывал или живал — поймет. Певцов Летнего сада и Невского и так достаточно. Кое-что из того, что автору “сказали”, мне хорошо знакомо. Он не послушался, но объяснил. И, наверно, правильно сделал. Как автор. По-прежнему не согласен только с одним. С тем, что автор “Кошки” кокетливо называет себя неписателем. Написал — значит, писатель. Перефразируя известное: литература слишком серьезное (или веселое) дело, чтобы отдавать ее на откуп только “профессиональным писателям”. В компьютере, кроме кошки, живут собака, колобок, робот, маг. Готовые жанровые символы, ожидающие своих летописцев. Игорь Сухих

© Петриченка Т., 2008

© Автор, 2008

АВТОР.

Хуже нет в книге, чем вступление. Оно всё портит и делает скучным – куча сухих или, наоборот, нелепо восхитительных абзацев, которые автор вынужден из себя вынуть.

Если вы согласны со мной, не читайте ЭТО далее – идите прямо к сути – пусть она сама за себя... Как-то честнее будет.

А я вынужден продолжать (так мне сказали сделать) – типа «иначе нельзя»...

Невозможно вернуться к тому, что уже прожито, заставить себя погрузиться в то, что ты оставил за спиной. Я уже не такой человек, каким был, когда писалась эта Книжка (К), и за окном немножко осень, но, открывая её, я улыбаюсь. И всё вокруг как-то светлее что ли...

Вот, пожалуй и всё, что мне казалось возможным сказать.

Теперь попробую выдавить из себя невозможное – «так надо» – терпите, если вам-таки нужно «Вступление» (лучше, пока не поздно, начните читать К, а то, боюсь вы, вообще, решите, что читать её не стоит – ну и ладно – раз вы такие Интрофилы, это не ваша книга: «слишком легкомысленна»).

Ладно, давлю:

1) Почему «КОШКА»?

Лично я не люблю кошек, хотя сам по натуре – кошка, если мы делимся на эти Кат(Кот)Егории. Во-вторых, кошка – существо, для меня нераздельное с моим СПб(прости, Господи) – городом. Она – его житель, символ что ли. Кроме того, кошка – мой помощник в Microsoft Word. Довольно об этом.

2) Почему рассказы расположены по алфавиту? В этом есть «сакральный» смысл? Никакого смысла в этом нет. Просто компьютер (жуткое слово) имеет свойство располагать файлы в алфавитном порядке – так они и отложились в моей памяти, так и стали жить – по-иному я их не воспринимаю. Жаль, если разочаровал кого-то.

3)

Специально ли рассказы имеют «некоторую незавершенность» («внезапный конец»)?

«Автор нарочно показывает, что он – не Писатель в общепринятом пафосном и бравом значении этого слова...» – есть у меня и такой отзыв.

Не стану ни опровергать, ни соглашаться – скажем так: а) была цель быть ближе к читателю, б) я – неписатель. А «Внезапный конец» – это «внезапный занавес», хотя мне само сочетание «внезапный конец» не нравится.

4)

Пусть хоть эта К понравится автору.

«Некоторые рассказы выбиваются из общей канвы» – так мне сказали – однако, убирать их из «общей толпы» я не могу и не хочу: за ними для меня стоят реальные, дорогие мне люди – т.о. для меня «общая канва» никоим образом не нарушена, да и обидятся ещё...люди-то.

5)

На самом деле всю эту книгу я всю эту К я написал

а) для своей дочки.

Серафима, когда ты вырастешь, иногда тебе будет тяжело, иногда грустно – это нормально – жизнь... В такие моменты ты откроешь эту К и улыбнешься: вот папка дал! Иногда надо смотреть веселее на одни вещи, внимательнее на другие – тогда понимаешь, какие мы все забавные и замечательные – вот Бог придумал! –

понимаешь, что есть люди добрые / есть –глупые, есть те, кто пытается сделать мир лучше/ есть люди уставшие...Ну и т.д. и т.п.

б) для тех, кто был со мной рядом всё это время. Спасибо, Валюшка. Тут всё!

б)

«КИНДЗАДЗА» – мой любимый фильм.

7)

Не знаю, что ещё вам написать...

С усердием и терпением, Автор.

АЛЕВТИНА И АНАТОМИКОВ.

– Какая же я молодец я всё-таки я. Ножик порезала, яйца заточила,– Алевтина ловко наладила взбившуюся кичку.

– Тады ой!– на кухне неожиданно возник Анатомиков,– однако, как красят вас эти славные словообороты, Алевтиночка!

– Что вы, Монитор Филиппович! Льстите вы мне, вот да.

– Нет-нет! Даже слышать этого не желаю! Я знаю, что говорю, а говорю то, что знаю. И, если уж мы об этом заговорили, то знаю я ого-го сколько. Будь здоровчик! К примеру вот вы, Але-ве-втина, в курсах, почему у всех скрипачей засос на шее, а у всех виолончелисток пальцы левой руки особым образом скрючены и имеется потёртость на внутренних ляшечек?

– А то как же! Знаю. Чай 17 годов за 3 пультом в оркестре Петрова-Сидоркина! Не хухры-мухры!

– Агы-ы... Тады ой! Оп-оба-а-нца, дайте ка пособлю вам малеха: в некотором роде лучёк-с поруба-баю!

– Нет уж-киж, позвольте. Дело это отнюдь-таки не мужское дело вот.

– Стопчик-стопчик. Оно ведь как, Алевти-рина: я ж человек волевой и решительно всё делать могущий. Для меня изобразить сей резательно-поступательно-возвратный процесс – сущий пустяк. Более того, я со всей ответственностью не прочь был бы замахнуться на что-либо более великое, глобальное и даже, не побоюсь этого слова, сакральное. Посему, Але-ре-ви-зитина, я вопрошаю: «чего желаете, Госпожа Моя?» И, клянусь непорочным именем Вашего соседа депутата Минасяна, Ваше желание не удмурдурствуя лукаво осуществляю я! Ну!

– Ну я бы я бы... я бы хотела бы я бы...бы я бы бы...бы бы я...ну, к примеру бы вот...лунный зельц или ну что-нибудь... ну, в этом что-нибудь роде – вроде – вроде бы вот...я просто всё детство-отроче-ченство-выюность как бы вот всё думала, всё, ха, размышляля-ла, да, вот про зельц: вот, если бы на Луне, как вроде невозможИно, но...А почему нет? Ну почему НЕТ?

– Ха!– Анатомиков энергично распахнул форточку и вылетел в неё...

...Местечковый Batman, провожаемый удивленными глазами московских окон...

– Итак, на Луну!– ощущение того, что где-то внизу его ждет любящее сердце, придавало Анатомикову необычайную решительность и веру в счастливый исход... Замеча-ательные. Замеча-ательные действия позволяют совершать человекам т.н. влюбь и т.н. любленность.

Да...

Замеча-ательные и чудЕсные...

Чуде-есные.

Чуде-есные...

Да-да-да-да-да-да...

...Р-ракита.

Бенладен-бенладЕн-лавАнда-опысыА.

АЛЕКСАНДРА СЕРГЕИЧЕГО ОКНО.

Александр Сергеевич сидел дома и скучал. На улице расположилась осень.

Дождь, конечно...

Александр Сергеевич устал смотреть в окно и сел рисовать. Нарисовалось зачём-то всё то же окно с дождём.

Александр Сергеевич прислонил рисунок к стенке рядом с розеткой. Теперь в комнате было 2 окна: одно – большое с подоконником, другое – маленькое на столе с розеткой.

И в обоих окнах творилась безнадёжнейшая осень. От этого стало Александру Сергеевичу грустно, даже очень. Стал Александр Сергеевич жить дальше...

Вскорости, пришла зима. Лютая была, надо отметить, зима. Лютая...

Вспомнил Александр Сергеевич про свой рисунок (с окном) – нарисовал для порядка новый: с зимой и снегом. Снова поставил на стол рядом с розеткой.

2 окна со снегом – холодновато. Стало Александру Сергеевичу немного страшно от этого обстоятельства. Но жизнь продолжалась...

Наступила весна – окошко на столе было Александром Сергеевичем перерисовано: появились на нём капельницы – сосульки и много воды.

Было у Александра Сергеевича внутри и мокро и зябко...

Но (наконец-то!) случилось лето! Случилось-таки! В комнате Александра Сергеевича было теперь в двойне теплее и ве-е-се-е-ле-е! Радостно стало Александру Сергеевичу, хорошо...

Когда снова подошло время осени, Александр Сергеевич решил ничего не перерисовывать.

Теперь у него всегда лето. Хоть на бумажную половинку. Счастливый...

БЕМОЛЬ.

«Я толстая, – говорила о себе Оля, – расплнела донельзя!»

Мы ей отвечали: «Брось! Ты просто по-особому стройная. Не ной!»

«Я жирная! Это просто ужас!» – говорила через некоторое время Оля.

Мы ей снова: «Ты полненькая. Но ведь это замечательно и тебя очень красит. Не ной!»

Оля по прошествии очередного некоторого времени: «Да я просто женщина-мясо!

Подо мною кровати ломаются! Да что ж такое!»

Мы: «Ну сходи к врачу, если уж так тебе беспокоит. Не ной!»

...Оказалось, что Оля была на 7-м месяце беременности.

Вот такая она у нас.

БЛАГОДАТЬ НА БЛАГОДАТНОЙ.

Проектировщик дорог Тимоладзе на самом деле являлся ангелом. Да-да. Самым настоящим ангелом. А ангелы, как известно, пытаются научить людей любви, смирению, жизнерадостности и др. замечательным штукам. Ещё ангелы творят на Земле всякие там чудеса, приятные ожидания, странные сюрпризы с последствиями и пр. дела.

Поэтому проектировщик дорог ангел Тимоладзе и сделал так, чтобы проезжая часть улицы Благодатной была вся в рытвинах и колдобинах. Вскоре ангел Тимоладзе исчез...

Сколько потом не пытались «отремонтировать», «заново заасфальтировать», «перепланировать», «модернизировать», «смягчить», «утрамбовать» отданную машинам поверхность – всё напрасно. Дорога на Благодатной ещё долго оставалась такой, как была: неказистой. Но такова суть чуда...

Жители микрорайона и др. очень бранили дорогу. Автомобилисты и грузоводители, проезжая по Благодатной, выражались так, что находиться в такие моменты поблизости было даже не неприятно, а неприлично!

Да... Жуткие были времена... Люди переходили дорогу... Гнобливо глядели под ноги старушки с бидончиками. Спотыкаясь, теряли драгоценную тару местечковые алкаши. Радостные мамы становились грустными, пытались уравновесить прыгающие коляски с юными жителями микрорайона и др.

И т.д., и т.д., и т.д.

Только одна девочка Анечка радовалась созданным на Благодатной неблагоприятным условиям.

– Классные кочки, – говорила она недовольному отцу с заднего сидения семейного «Москвича».

– Чего ж в них «классного»? Того гляди выхлопную оторвешь! – бурчал отец, совершая искусные маневры по объезду рытвин, впадин и ложбов.

– И всё-таки. Так здорово на них подпрыгивать! Раз-два! Раз-два! Ха!

– Прекрати безобразничать, доча.

Гуляя, Аня убеждала недовольных (наверное, поддавшихся на провокацию своих родителей) подруг – Вальку-Рыжую и Ольку-Пшенку:

– Чего в этих ямках плохого? Вы поглядите, сколько зато луж получилось – почти все «Столбы» видно!

– Ну тебя, Аноха! Вечно ты выдумываешь! Как маленькая!

– Правильно, Валь! И пусть Аноха не подмазывается! «Столбы» – так моя бабушка дом этот называет! И нечего! Повторюшка – Аноха!

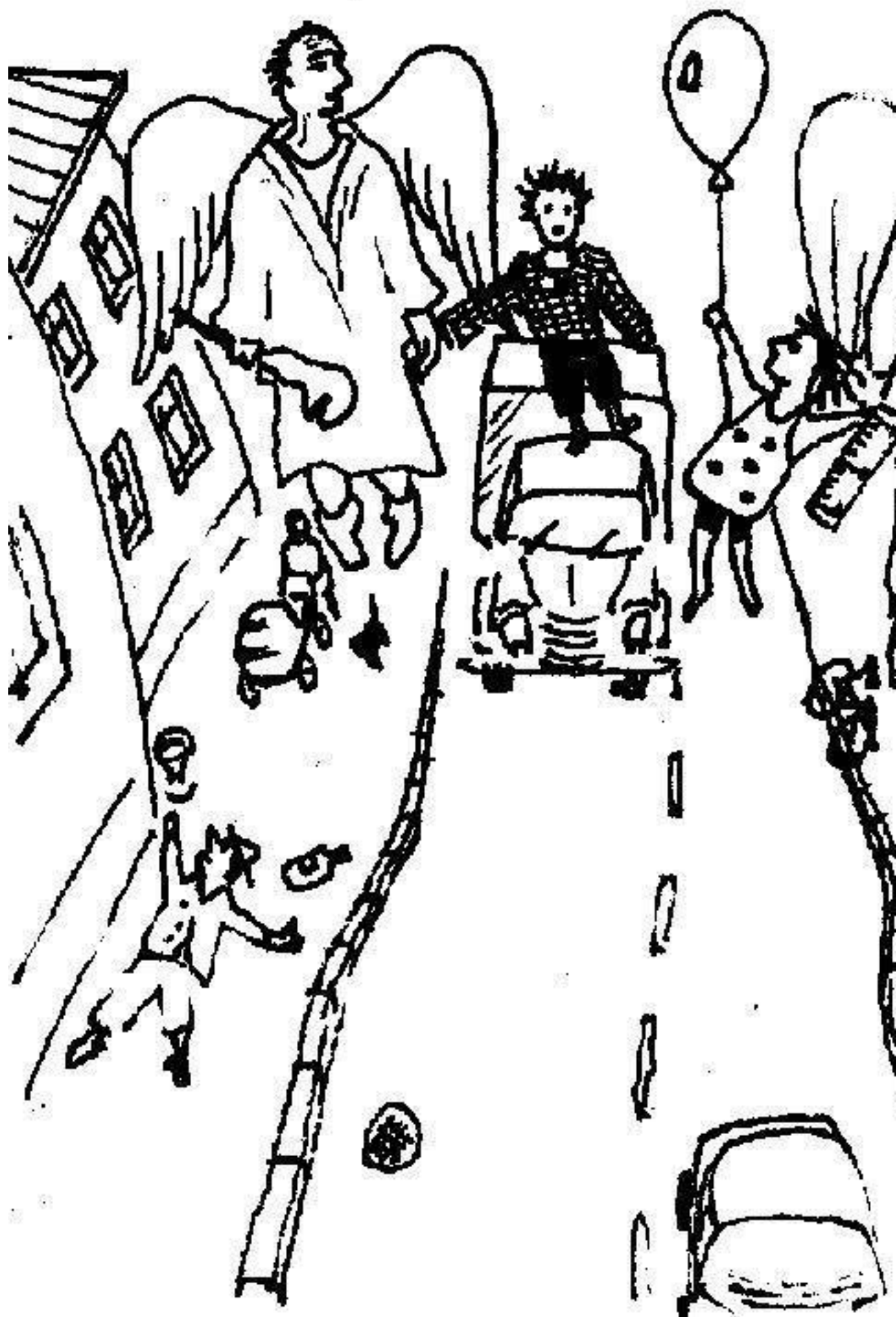
– Да ну вас...

...Спеша, растаяла осень. Провалилась смятым снегом затяжная зима. Прошел

год. Другой. Много...

Жители микрорайона и др. привыкли к неблагоприятной составляющей Благодатной улицы. Анечка выросла и поступила в Университет Профсоюзов.

Однажды утром Анечка спешила на какой-то очередной и, конечно же, очень

важный экзамен. Перебегая проезжую часть, в надежде успеть на светофорную зеленку, Анечка зацепилась за одну из бесчисленных ямок-дырочек-трещинок родной Благодатной улицы и сломала каблучок. Прохожие, бывшие рядом в этот момент переглянулись и, кто сочувственно, кто, злорадствуя, опустили глаза: приготовились услышать какую-нибудь неприличную тираду из Аничкиных уст. Всё-таки каблук... потеря, всё-таки... Однако, суждено им было услышать нечто иное...

«Ах, если бы на свете существовали ангелы, они наверняка смогли бы сделать так, чтобы улица наша стала гладенькой, и никто больше не ломал бы на ней каблучки...» – вот и всё, что сказала Анечка.

И тут в небе произошло странное приятное сияние (Некоторые очевидцы потом утверждали, что пошел дождь и раздался сакральный голос, но нам это кажется невероятным), и через какую-то секунду улица Благодатная стала совсем иной - гладкой, как шелковая ленточка. – Случилось чудо!

После некоторой паузы свидетели чудесного преобразования счастливые и удивленные уже бежали на работу, то и дело нашептывая про себя: «Улица стала ровной», «улица стала ровной», «улица стала ровной»...

РОВНОЙ Благодатная остается и по сей день на радость всем жителям

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.